

На правах рукописи

Королинская Юлия Вячеславовна

**ПОСЛЕВОЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО МАРТИНА А. ХАНСЕНА
И ПРОБЛЕМА ДАТСКОГО МОДЕРНИЗМА**

*Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)*

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Сергеев Александр Васильевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Храповицкая Галина Николаевна,
Московский педагогический государственный
университет

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Мокин Игорь Викторович,
Первый московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный
университет

Защита состоится «23» сентября 2011 года в 16:00 на заседании диссертационного совета
Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-ый учеб-
ный корпус, филологический факультет, ауд. 970.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «22» августа 2011 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.В. Сергеев

Общая характеристика работы

Прозаик, поэт и публицист Мартин Альфред Хансен (Martin Alfred Hansen, 1909-1955) – одна из центральных фигур датской литературы середины XX века, властитель дум своих современников, «в течение сорока лет один из наиболее влиятельных, обсуждаемых и популярных писателей не только в Дании, но и во всей Скандинавии»¹. Хансен активно участвовал в послевоенных «дебатах о культуре» и вместе с поэтом и издателем О. Вивелем (1921-2004) возглавлял редакцию журнала «Херетика» (Heretica, 1948-1953), объединившего вокруг себя лучших национальных поэтов и прозаиков своего времени.

Выражение противоречивого «духа современности» в творчестве Хансена сочетается с программной традиционностью взглядов: стремясь обновить художественный язык, писатель в то же время «борется за воскрешение традиции»². Парадокс подобного сочетания стал «нервом» его художественной прозы. При этом стремление к «новому», желание «быть абсолютно современным» и одновременно неразрывная связь с постнатуралистическим искусством, в частности с датским символизмом 1890-х годов, дает все основания считать Хансена модернистом.

Укоренившийся в Дании радикальный подход к трактовке термина «модернизм», однако, исключает представление о преемственности в культуре и умаляет роль традиции в художественном творчестве. Авторы первого научного исследования датского литературного модернизма³ охарактеризовали Хансена как «традиционалиста», а его творчество объявили «традиционалистским». Эта характеристика надолго закрепилась за писателем.

В последнее время датское литературоведение стремится освободиться от многих идеологических штампов предшествующих десятилетий. Так, например, объек-

¹ *Ingwersen F. Martin A. Hansen // Dictionary of literary biography. Vol. 214. Twentieth-Century Danish writers / Ed. By M. Stecher-Hansen. The Gale Group: Farmington Hills, MI, 1999. P. 123.*

² Письмо к П. Рамлёву от 14 сентября 1946 года цит. по: *Bjørnvig Th. Kains Alter. Martin A. Hansens Digtning og Tænkning. Kbh.: Gyldendal, 1964. S. 138.*

³ *Modernismen i dansk litteratur / Red. af J. Vosmar. Kbh.: Fremad, Danmarks Radios Grundbøger, 1967.*

тивный анализ творчества Хансена дан в целом ряде публикаций датского литературоведа А.Т. Андерсена⁴.

Актуальность настоящего исследования вызвана необходимостью в рамках объективного научного подхода определить, в чем именно состоит художественный модернизм прозы Хансена, и обозначить «механизмы» взаимодействия христианского взгляда на мир и художественного эксперимента в произведениях писателя.

Предметом диссертационного исследования являются романы, публицистические работы и дневниковые записи Хансена военного и послевоенного времени – периода зрелого творчества прозаика.

Подробный анализ двух самых значительных послевоенных текстов писателя – экспериментального романа «Праздник середины лета» (Midsommerfesten, 1946) и радиоромана «Лжец» (Løgneren, 1950) – обнажает поиск им нового, модернистского стиля. Дневниковые записи этого периода не только дают богатый комментарий к мировоззрению и художественному творчеству Хансена, но словно составляют «автопортрет» – образ писателя, увиденный его собственными глазами.

Среди многообразия публицистических работ Хансена мы выбрали для детального анализа знаковые статьи военного времени «Диалог о насилии и ответственности» (Dialog om Drab og Ansvar, 1944), «Неприкосновенные круги» (De ukrænkelige Cirkler, 1945); программный цикл эссе о литературе «На распутье» (Ved Korsvejen, 1946); сборник эссе о культуре «Мысли из печной трубы» (Tanker i en Skorsten, 1948), а также важнейшие публикации в журнале «Херетика»: «Каноны и дух формы» (Konvention og Formaand, 1948) и «Реализм и утопия» (Realisme og Utopi, 1951). В качестве произведения, обобщающего философские воззрения писателя, рассматривается цикл эссе «Левиафан» (Leviathan, 1950).

Цель диссертации – исследование творчества Мартина А. Хансена в контексте идейно-эстетических противоречий послевоенного времени.

Цель исследования определила его **задачи**:

⁴ Посвященные творчеству Хансена статьи разных лет А.Т. Андерсен объединил в издании: *Andersen A.Th. Polspænding: forførelse og dialog hos Martin A. Hansen*. Kbh.: Gyldendal, 2011.

1. Выявление мировоззренческого и эстетического конфликтов в датской культуре послевоенного времени в связи с философской и религиозной традицией XIX-XX веков.

2. Рассмотрение статуса воззрений европейского религиозного Возрождения и специфики трактовки понятия «гуманизм» участниками национальных «дебатов о культуре» (и в особенности Хансена) – для исследования различных способов выхода из кризиса культуры.

3. Определение толкования терминов «модернизм», «натурализм», «символизм» и «тёмный стиль» датскими писателями середины XX века для обозначения своеобразия эстетических споров времени.

4. Рассмотрение мировоззренческой и эстетической позиции Хансена в ходе послевоенных «дебатов о культуре» для разграничения «программных» установок писателя и его собственно художественного творчества.

5. Анализ проблематики и поэтики модернистских романов Хансена «Праздник середины лета» и «Лжец».

Поставленные задачи предполагают совмещение синхронного и диахронного подходов к текстам писателя, а также обращение к элементам культурологического, текстуального и сопоставительного анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что обоснование модернизма творчества Хансена выводится из специфики символистского мировоззрения эпохи рубежа XIX-XX веков и рассматривается в рамках общеевропейского религиозного Возрождения.

Вместе с тем, имя Хансена малоизвестно российскому читателю и почти не введено в научный обиход. Творчеству писателя посвящены немногие страницы в научных исследованиях (Э.В. Переслегина, Г.В. Шатков) и учебных пособиях (В.П. Неустроев); оно освещается в энциклопедических изданиях (И.П. Куприянова) и отдельных комментариях к художественной и научной литературе (Н.Ш. Киямова, А.В. Сергеев, Н.И. Крымова, А.Л. Погодин). Поэтому научная новизна диссертации

для отечественного литературоведения заключается в комплексном освещении основных теоретических и художественных аспектов творчества Хансена.

Методологической основой исследования является историко-литературный подход в сочетании с детальным анализом художественных текстов.

Основной историко-литературной проблемой диссертации стала проблема датского модернизма послевоенного времени. Для ее решения мы опираемся на работы зарубежных (А. Боруп, Т. Брострём, Ф. Далеруп, А.-М. Май, П.С. Ларсен; М. Брэдбери и Дж. Макфарлейн, Э. Уилсон) и отечественных (А.М. Зверев, А.В. Карельский, О.Ю. Панова, А.П. Саруханян, В.М. Толмачёв) исследователей. При анализе художественного и публицистического наследия Хансена в диссертации учтены научные и биографические работы Т. Бьёрнвига, О. Вивеля, А.Т. Андерсена, В. Хеллерна, Ф. Ингверсен, Д. Бугге, Ф. Нильсена и других европейских авторов.

Научная значимость исследования состоит в том, что оно вводит в научный обиход материал, до сих пор не изучавшийся в отечественном литературоведении, и дает основание для переоценки целого ряда явлений литературного процесса Дании первой половины XX века.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы проведенного анализа и результаты исследования могут быть использованы для подготовки и чтения общих и специальных курсов по истории скандинавских литератур XX века.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 7 публикациях автора в течение 2008-2011 годов, а также в научных докладах на XV и XVI Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2008, 2009); на Ломоносовских чтениях (МГУ, 2009) и на Андреевских чтениях (УРАО, 2011).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. В приложении приводятся цитированные в исследовании выдержки из произведений Хансена на языке оригинала.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются цели, задачи, актуальность исследования, дается краткий историко-литературный анализ функционирования термина «модернизм» в датском культурном сознании, критически рассматриваются основные точки зрения на наследие М.А. Хансена, а также приводится краткий очерк жизни и творчества писателя в довоенный период времени.

В **первой главе диссертации «Идейно-эстетические взгляды Мартина А. Хансена и его участие в послевоенных дебатах о культуре»** анализируется феномен датской послевоенной культуры и, в особенности, взгляды и художественные поиски писателей, объединившихся вокруг культурологического литературного журнала «Херетика». Исследование воссоздает социально-политический и культурный контекст творчества Хансена и других херетикианцев, а также обозначает роль философских и религиозных произведений В. Грэнбека, Н.Ф.С. Грундтвига, С. Киркегора и Т.С. Элиота для формирования эстетической концепции издания. Описание хода журнальной полемики и борьбы идей послевоенного времени помогает выявить своеобразие мировоззрения Хансена.

Глава начинается с освещения событий 1944-1945 годов. Война стала существенной причиной возникновения новых тенденций в датской литературе: она не только усилила представление о кризисе (как нравственном, так и социальном), но и заострила вопросы о роли поэтического слова, степени ответственности писателя и необходимости новых форм выражения в искусстве.

Для Хансена, как и для многих поэтов и прозаиков его поколения, определяющим стал опыт работы в нелегальной газете «Фольк о фрихид» (Folk og Frihed, Народ и свобода, 1943-1945). Анализ его статьи «Неприкосновенные круги» свидетельствует о том, что «сопротивление» автора было «борьбой за культуру» и имело религиозные основания.

В истории датской прозы Сопротивления особое место занимает сборник «Горит огонь» (Der brænder en Ild, 1944), в котором виднейшие писатели страны ано-

нимно высказали свое отношение к войне и предательству. Опубликованная в сборнике статья Хансена «Диалог о насилии и ответственности», в которой автор призывал к расстрелу предателей и развенчивал софистику их оправдания, определила моральную атмосферу его поздних произведений.

В послевоенные годы рефлексия над событиями Второй мировой войны и поиск дальнейших путей развития культуры способствовали возникновению острой журнальной полемики. Декларируемые писателями эстетические принципы были неразрывно связаны с их политическими, моральными и философскими воззрениями.

Самым значимым явлением культурной жизни Дании этого времени стал журнал «Херетика», редакторы которого (Т. Брострём, Б. Поульсен; М.А. Хансен, О. Вивель; Ф. Йегер, Х. Скоу-Хансен) сформулировали представление о кризисе европейской культуры и призвали к духовному возрождению, указав на особую роль литературы в этом процессе.

Херетикианцы отрицали рационализм и задавались вопросом о трансцендентной сущности бытия. Т. Бьёрнвиг в статье о А. Кёстлере писал, что фундаментом любой культуры является дух, а Б. Поульсен в «Башне из слоновой кости» пояснял: «На место духа мы возвели интеллект, а это означает, что мы выбрали противоборство, но не общность»⁵.

Херетикианцы М.А. Хансен, О. Вивель, Й. Круусе в поисках новой духовности увлеклись концепциями культуролога и историка религии В. Грэнбека (1873-1948). Грэнбек опубликовал в «Херетике» программные для журнала статьи «Религия» и «Страх». По мнению Хансена, «произведения Грэнбека во многом стали самым революционным явлением в современной литературе ...»⁶

⁵ Поульсен Б. Башня из слоновой кости / Пер. А.В. Сергеева и А.Н. Чеканского // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986. С. 433.

⁶ Hansen M.A. Eumeniderne // Hansen M.A. Mindeudgave: i 10 bd. Kbh.: Gyldendal, 1969-1970. Bd. 7: Tanker i en Skorsten. S. 182.

Название журнала – «Ереси» – было призвано воскресить требование Грёнбека «бороться» «за новую душу»⁷. По мнению философа, «душой» любой культуры является живое религиозное чувство, охватывающее мироздание целиком, во всем его многообразии. Духовность Европы зиждется на христианстве, поставившем под сомнение «тело», «землю», «материю» – тем самым отказавшись от ценности единого бытия и населив мироздание злом, демоническим. Религиозное чувство утратило жизненность, выродилось в догматику. Если человек не хочет подчиняться мертвому закону, он выбирает участь еретика.

Философ утверждал необходимость нового мифа, новой души, которые явились бы наследниками души раннего христианства и крестьянства, способной находить связи между людьми, вещами и событиями. Новый миф призван был вернуть человеку его самого и окружающую его вселенную.

Вслед за Грёнбеком Хансен размышлял о своеобразии языческой культуры и эпохи Средних веков, о состоянии кризиса современной цивилизации. Во всех художественных произведениях писателя нашли отражения системы ценностей язычества, христианства (католичества и протестантизма) и научного атеистического мировоззрения. Свою монографию о скандинавских верованиях «Змей и бык» (1950) Хансен написал под воздействием четырехтомного труда Грёнбека «Наш род в древности» (1909-1912), который в свою очередь стал наследником «Мифологии Севера» Грундтвига (1 изд. 1808).

Грёнбек заново «открыл» труды Н.Ф.С. Грундтвига (1783–1872) и С. Киркегора (1813-1855) для послевоенного поколения датчан и объявил, что и в тех, и в других были описаны «самые глубокие противоречия культуры» первой половины XX века⁸.

В 1940-е годы стало востребовано учение Грундтвига о гармонически развитой личности. Мыслитель считал, что, только признавая себя частью общины, погружаясь в культуру своего народа, человек сможет развить свою душу настолько, что бу-

⁷ *Grønbech V. Kampen for en ny sjæl. Kbh.: Gyldendals Uglebøger (№ 57), 1963.*

⁸ *Grønbech V. Grundtvig og Kierkegaard // Grønbech V. Kampen om Mennesket. Kbh., Oslo: Jespersen og Pio, 1930. S. 186.*

дет готовым к восприятию «Божественного глагола». Утверждая ценность собственной экзистенции как части человеческой общности ищущий истину неизбежно придет к вере в Христа.

Формула Грундтвига «сначала человек – христианин после»⁹ трактовалась молодыми писателями в экзистенциальных категориях: прежде всего существование – потом уже вера. Подобное понимание любви к человеку объясняет характерную для 1940-х годов оппозицию «гуманизм / христианство». В первом случае ценность человека обосновывалась при помощи теорий К. Маркса и Ж.-П. Сартра, во втором – достижениями национальной религиозной философии. Й.Ф. Йенсен справедливо определяет центральную проблему «Херетики» как «экзистенциальную точку зрения», а послевоенному материалистическому взгляду на мир дает название «экзистенциальный марксизм»¹⁰.

Мировоззрение Грундтвига коренилось в наследии Просвещения, но обогатилось многими истинами романтизма. Хансен всю жизнь пытался побороть романтизм, но часто – средствами самого романтизма, не выходя из романтического способа мыслей. Поэтому его интерес к автору «Мифологии Севера» далеко не случаен.

Воспитанный в лоне Церковного объединения Внутренней миссии, Хансен при этом полемизировал со своим предшественником. По его мнению, современное грундтвигианство и народные университеты (højskole) не достигают поставленных Грундтвигом целей.

Киркегор, по словам О. Вивеля, стал для херетикианцев харизматической личностью, так как он не побоялся «взорвать изнутри» рационализм XIX века и возвестил, что «Европа находится на пути к банкротству». В философе видели провидца, доказавшего бесперспективность нигилистического отрицания всех ценностей. Именно на нигилистическое сознание возложили ответственность за гибель культуры, ставшую очевидной в XX веке, а также за возникновение чувства одиночества и страха, поработившее современника (М.А. Хансен). В написанных под разными

⁹ Псалом «Menneske først og Christen saa...», 1832.

¹⁰ *Jensen J.F.* Homo manipulatus. Essays omkring Radikalismen. Kbh.: Gyldendals Uglebøger (№ 190), 1967. S. 36, 40.

псевдонимами книг философ, по словам Грёнбека, воплотил безграничное многообразие проявлений человеческой души, тем самым сделав наглядной трагедию индивидуализма, европейского культа конкретной души.

Киркегор на основе христианского понимания человека как единства тела, души и духа обосновал расщепление субъекта, потерю личностью своей цельности перед лицом Божественной истины и тем самым «обнаружил страх внутри каждого из нас»¹¹.

В контексте «философии страха» (А. де Вэленс) призыв П. ля Кура к разрушению художественной цельности стиха ради освобождения Поэзии перерастал романтический контекст «Фрагментов из дневника». В 1940-е годы возникла пессимистическая, экспериментальная по способу изложения литература, центральным образом которой стало «расколотое» сознание личности.

Отношение Хансена к воззрениям Киркегора не было однозначным. С одной стороны, в произведениях о современниках («Праздник середины лета», «Лжец») писатель ориентировался на взгляды религиозного философа, связанные с учением о трех фазах жизненного пути, использовал разработанную Киркегором методику сократического диалога. С другой стороны, прозаик критиковал своего предшественника за приводящий к одиночеству индивидуализм и чрезмерную демонизацию веры (эссе «У того единственного»).

Эстетические взгляды херетикианцев, опиравшиеся на работы Грёнбека, Грундтвига и Киркегора, соединяли в одном видении поэтическую, культурологическую и философскую точки зрения. Анонс журнала свидетельствовал о трех новых и важных задачах, которые ставили перед собой авторы: рассмотрение поэзии как вида познания, обсуждение способов ангажированности писателя и создание независимого искусства.

В «Фрагментах из дневника», негласном манифесте «Херетики», ля Кур утверждал, что задача литературы – своими средствами отвечать на вопросы времени.

¹¹ *Grønbech V. Angst // Heretica: En antologi af essays og digte fra tidsskriftets seks årgange / Ved O. Wivel. Kbh.: Gyldendals Uglebøger (№ 39), 1976. S. 181.*

Мерилом поэзии является художественный образ, который вырастает из реальности, чтобы создать новую реальность, воплощая в себе миф. Принципиальной объявлялась иррациональность и органичность художественного образа, который, как и миф, строится на объединении противоположностей и содержит в себе невыразимое. Художник не может постичь до конца смысла своего произведения, но в то же время воплощает жизнь максимально истинно. Ля Кур выдвинул требование «чувства единства всех вещей». К подобному единству следовало стремиться и в искусстве, и в жизни.

Писатели круга «Херетики» пытались определить отношения между искусством и внехудожественной действительностью. Хансен выразил основной постулат журнала – искусство самоценно, никакие «измы» и теории – теологические (католицизм), политические (коммунизм), научные (теория эволюции) – не должны определять сущности произведения. Однако и другая крайность ущербна: без привлечения внелитературного материала, социальной проблематики художественное творчество лишено жизни.

Если понимание искусства как способа познания было поддержано всеми авторами «Херетики», то требование духовной ангажированности вступало в противоречие со стремлением освободить поэзию от пут всех идеологий. В диссертации подробно рассматриваются особенности неортодоксального христианства писателей послевоенного времени.

Эстетические взгляды Хансена, как и многих херетикианцев, базировались на учении о традиции в культуре, которое выстраивалось на основании воззрений Киркегора, Честертона и Элиота.

По мнению писателя, особенность европейской цивилизации как христианской состоит в том, что она порывает с христианством и традицией, чтобы снова к ним вернуться. Утверждение христианского начала – утверждение гармонии, постигаемой через страдание – Хансен называл «сакральной драмой» европейской культуры и своей собственной. Экзистенциально европейская душа сакральна потому, что в ее основе миф – народное верование, закрепленное традицией. Для существования

культуры этот миф должен постоянно воспроизводиться, поэтому «евангельское» начало понималось Хансеном как «вечно революционное». С точки зрения писателя, местом действия «сакральной драмы» европейской души является литература: именно книга способна помочь в избавлении от духовного кризиса современности.

Теория традиции, разрабатывавшаяся Хансеном, соединяла в себе метафизическую и конкретно-историческую точки зрения. Вслед за Т.С. Элиотом писатель понимал литературу как «целостность», «духовный организм», и продумывал аналог теории деперсонализации поэзии – учение о «духе формы».

Воплощение своих представлений о традиции Хансен видел в католической культуре. По мнению автора, учение современных ему неотомистов базируется на богатой католической традиции, связь с которой протестантизм утратил вместе с представлениями о гармоническом целом. Вот трагическая точка, к которой приходит Хансен в поисках возрождения культуры. Без фундамента освященной временем традиции здание культуры не построить – протестанты возводят лишь лесá вокруг пустоты, так как у них нет оснований, чтобы объединить разорванные «лоскуты» смысла. В противном случае возникает идеология.

Хансен признает существование «мира без центра», но с ощущением невыразимого и ненаходимого центра. В мире без центра реально лишь конкретное действие и конкретное переживание отдельной личности. Писатель призывает не абсолютизировать собственную связь с Богом, не выстраивать надуманных концепций, но довольствоваться фрагментарным взглядом, восходить по иерархической лестнице познания в надежде в итоге познать Бога, но так и не достигнуть этого. Помочь на пути подобного восхождения может искусство.

Поиски гармонии и целостного взгляда на мир и ненахождение их воплотились в художественных произведениях Хансена, в его обращении к различным эстетическим теориям. Это объясняет присутствие в творчестве писателя как традиционных, так и экспериментальных по форме произведений.

В диссертации художественные попытки Хансена описать духовный мир своего современника рассматриваются в контексте возникшей после Второй мировой войны «литературы страха».

Создание «Херетики» отчасти было попыткой осмыслить опыт шведского журнала «Сороковые» (40-tal, 1944-1947), объединившего молодых поэтов и писателей различных общественных взглядов в пессимистическом восприятии действительности и попытке реформировать традиционные формы словесного искусства. В Дании фюртиоталистов называли шведскими модернистами. Статья Хансена «Из шведского модернизма» (Fra svensk modernisme, 1946) стала одной из первых датскоязычных аналитических работ о шведской литературе 1940-х годов.

При помощи «тёмного стиля» как датские, так и шведские авторы пытались воплотить кризис сознания, выразить внутренние противоречия эпохи и вместе с тем найти «путь от образа к слову, от индивидуализма к человечности, от одиночества к общности»¹². Они искали – и не находили; стремились утвердить гармонию – и разочаровывались в результате. Отчаянная попытка херетикианцев вернуть мирозданию точку опоры и обусловила специфику датского модернизма 1940-х годов.

Отношение Хансена к модернизму было противоречивым. Он, с одной стороны, интересовался прозой Кафки, поэзией Элиота и художественными находками фюртиоталистов, но с другой, писал о кризисе современного романа и высмеивал «Улисс» Джойса. С его точки зрения, формальный эксперимент, существующий сам для себя, бесплоден. Хансен считал, что если писатель сознательно разламывает художественную форму, чтобы освободить существо Поэзии, то он творит себе ложного кумира – панэстетизм; если автор своим модернистским письмом пытается выразить чувство трагической расколотости мира, то он утверждает пессимистический взгляд на мир, культивирование которого населяет мироздание демонами, ничего не предлагая взамен. Как оппозицию формальному эксперименту модернизма автор

¹² Поульсен Б. Башня из слоновой кости. С. 440.

разрабатывает идею метафизического в своей основе искусства. Для него неизбежным «выводом из модернизма является христианство»¹³.

Журнал «Херетика», оставивший заметный след в истории датской мысли и литературы, журнал поиска, поиска противоречивого, но плодотворного.

Во **второй** главе диссертации исследуется программное произведение Хансена послевоенных лет – роман в миниатюре «Праздник середины лета», в котором нашел воплощение парадокс сочетания традиционных христианских воззрений с современными тенденциями в литературе. В главе рассматривается история создания произведения, его место в структуре сборника «Терновый куст», а также дается подробный анализ проблематики и поэтики романа.

«Праздник середины лета» – это центральная и наиболее значительная часть прозаического сборника «Терновый куст», публикация которого в 1946 году стала сенсацией. В «Терновом кусте» автор проводит читателя от Пасхи – через день летнего солнцестояния – к осеннему увяданию. Хансен словно предоставляет читателю решить, последует ли за увяданием и крахом новое рождение и новая Пасха. Эпиграф и название намекают на то, что за «всемирным потопом» можно увидеть перст Провидения и прозреть, что Сущий все же есть.

В «Терновом кусте» Хансен не только исследует смерть в различных ее аспектах, но и показывает распад «Божественного глагола». Во многом традиционный стиль первого произведения сменяется экспериментом со словом второго и окончательно разрушается в «потоке сознания» третьего. Сборник обнажает внутренние поиски Хансеном истинной веры и возможностей сохранения культуры.

В «Празднике середины лета» автор задается вопросом, как нужно писать художественные произведения во время и после Освенцима и Майданека, стремится понять природу словесного творчества и границы ответственности писателя. Для этого он разрабатывает сложную систему метапрозы.

¹³ Hansen M.A. Dagbøger: i 3 bd. / Ved A.Th. Andersen, J. Jørgensen. Kbh.: Gyldendal, DSL, 1999. Not. 13.9.47. S. 582.

Скрывающийся от гестапо герой пишет роман. Он не знает, как осуществить свою миссию творца, и потому сравнивает себя с пророком Ионой, который бежит от исполнения своего призвания. С точки зрения персонажа, созданный им текст является «составом преступления».

Хансен наделяет своего героя стремлением писать по законам натуралистической поэтики и осознанием невозможности этого. Под натурализмом автор понимает поэтические произведения, ориентирующиеся на философский позитивизм, который он возводит к программным выступлениям Г. Брандеса. Хансен открыто полемизирует с Брандесом и его последователями. Он не принимает ни отрицание ценности метафизического и религиозного начал, ни понимание природы как *Alnaturen*, ни оценки науки как инструмента для исследования любых явлений жизни. Эстетика натурализма связывается писателем с клишированностью современного массового романа и стремлением использовать художественное творчество для изменения социальной жизни.

Писатель-Иона постепенно перекладывает ответственность за создание текста на свою собеседницу Читательницу. Она – гостья из будущего, из послевоенного времени. Героиня сентиментальна и любит популярную женскую прозу. По ходу беседы, однако, Читательница развивается, обретает мудрость, и Писатель сравнивает ее с китом, его поглотившим. Герой постепенно утрачивает значение для повествования: Читательница оправдывает свое предназначение и как представительница «милосердного пола», и как «идеальный читатель». Именно она завершает роман.

Для рождения художественного произведения, однако, необходимо три участника. С Писателем и Читательницей беседует также Большой Бог. Без сакральной составляющей рождение Смысла, оформление его в слово невозможно. Роман напоминает о необходимости «троицы» смысла – сочетания человеческого рефлексизирующего ума (толкование; Писатель), сочувствия (истина обретается лишь в страдании; Читательница) и сакральной составляющей значения (Слово есть Бог; Большой Бог). Подобная «троица», необходимая для любого созидания, является оппозицией субъективности эстетика.

Творимый роман о Празднике середины лета, об одном дне из жизни Георга и Альмы, исследует духовную атмосферу довоенного времени и пытается проникнуть в причины разразившегося «мирового потопа». Он построен как ряд сцен-актов довоенной драмы, развязкой которой должна была стать Вторая мировая война.

Намеченная в ненаписанном романе «Алтарь Каина» (1946) история гибели рода в трех поколениях нашла выражение в описании поэтапной утраты веры в «Празднике середины лета». Первая ступень утраты веры – выбор отца Георга, который до Первой мировой войны «принял страдание» за несовершенный поступок и тем самым узаконил своеволие. Его сын Георг идет дальше: он нигилист 1930-х годов, который из-за своего рационализма не может разгадать загадку духовной жизни человека и постичь смысл страдания. В финале произведения оказывается, что бесплодная рефлексия привела героя к мыслям об относительности всего на свете, отказу от любых систем ценностей и отрицанию морали, логическому обоснованию преступлений. Для него Сатанинское равнодушие становится Смыслом. Итогом, следующей ступенью безбожия, должна стать финальная битва Добра и Зла. С точки зрения Хансена, стремление к абсолютной свободе, возведение человека на место Бога и чрезмерная рационализация культуры привели человека к отказу от любых моральных императивов, что закончилось трагедией Второй мировой войны.

Художественное пространство романа иерархично. Его структурным центром является образ автора. На нижней ступени иерархии располагается создаваемый текст (роман о 1930-х годах); на средней – пишущие и обсуждающие роман Писатель, Читательница и Больной Бог; на высшей – всеведущий повествователь, комментирующий действия Писателя; на метатекстовом уровне – сам Мартин А. Хансен, оценивающий свои поступки во время войны. Хансен словно погружается на дно своей собственной души писателя и пытается оценить мотивы, которые двигали его рукой при создании текста.

«Ландшафт души» писателя вместе с тем сводит иерархичную структуру текста на нет. Все уровни повествования пронизаны одними и теми же мотивами и образ-

ами, времена действия «прозревают» одно в другое; выстраивается сложная система идентификаций.

Созданный Хансеном художественный мир стремится обосновать существование Бога – и в нем как абсолютном Добре найти точку опоры собственного бытия. При этом христианская трактовка «Праздника середины лета» возможна лишь в том случае, если мы понимаем религиозность автора как неортодоксальную. Сам Хансен писал: «Лучше бы религиозное начало было не только смесью плохо сохранившегося пиетизма с бахвальством спорщика-интеллектуала, но источником поэтического вдохновения»¹⁴.

Религиозный вариант символизма Хансена становится «некой... сверхпрограммой»¹⁵. Это стремление к постижению таинственного мира идей, поиск Бога – и одновременное утверждение их отсутствия. Желание Хансена воплотить метафизический уровень действительности наталкивался либо нежелание его увидеть героями (участники Праздника), либо на искаженное восприятие мира рефлексирующим, нигилистическим сознанием (Георг, Писатель). Символы романа могут как разрушаться по ходу действия, так и трактоваться искаженно. Основным конфликтом текста становится столкновение Смысла и пустоты.

В подобной двойственности созидания и отрицания, поиска и отсутствия рождается модернизм прозы Хансена. А.Т. Андерсен замечал: «...автор использует и развивает язык современности, чтобы противостоять мировоззрению современности. Текст разворачивается именно как текст, чтобы указать на себя как текст», «чтобы привлечь внимание к собственной недостаточности»¹⁶. Как Писатель стремится отыскать иерархию ценностей в рушащемся мире, так и текст выходит за рамки художественной структуры. Словесное полотно начинает рефлексировать о

¹⁴ *Hansen M.A. Dagbøger. 16.5.44. S. 343.*

¹⁵ *Толмачёв В.М. О границах символизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Филология. Философия. История. 2004. № 3. С. 253.*

¹⁶ *Andersen A.Th. Afbrudt af en vis stor Georg. Martin A. Hansens "Midsommerfesten" læst som en kristen modernismes opgør med 'det moderne gennembrud' // Kritik. 1998. № 135. S. 27-28.*

самом себе, и поэтому главным героем романа становится слово, которое ищет своего референта, а вместе с ним и значение.

В **третьей главе диссертации** дается анализ поэтики итогового произведения Хансена – романа «Лжец». Написанное для радио произведение становится самым значительным текстом Хансена. В главе исследуется жанровая природа «Лжеца» как радиоромана, дается подробная история его создания и предлагается анализ произведения, в котором особое место занимает проблема функционирования «чужого слова».

Все составляющие художественного мира «Лжеца» подчинены раскрытию образа повествователя Йоханнеса Вига. Хансен создает многоуровневую модель личности рассказчика. В попытке самопознания рефлексирующий герой стремится выстроить жизнеподобный образ самого себя и тем самым пишет о себе художественное произведение в виде романа в форме дневника.

Объектом повествования Йоханнеса является герой, который живет одной жизнью с природой, некий художественный вариант «естественного человека» Ж.Ж. Руссо. В его способе восприятия мира проявляется чувствительность эпохи Просвещения; социальное и природное для персонажа – явления одного порядка.

Помогает учителю в познании естественной жизни шотландский сеттер Пигро. Пёс одновременно и некий природный дух, который благословляет героя на охоту (своеобразный вариант Мефистофеля), и единственный друг и собеседник Йоханнеса, его вторая ипостась.

Структурообразующий сюжет романа построен таким образом, что «естественный человек» выступает как участник любовного треугольника «Йоханнес – Аннемари – Соперник». Воплощение этого сюжета обнажает противоречивость внутреннего мира повествователя. В любовном треугольнике с Олуфом Йоханнес, с одной стороны, художественно воспроизводит разворачивающийся в его душе конфликт между долгом по отношению к другу и чувством к бывшей ученице, однако с другой, относится к любой из возможных развязок эстетически. По отношению к инженеру Харри у Йоханнеса нет никаких моральных обязательств – и он будто стремится

ся обойти соперника. При этом именно Йоханнес помогает Аннемари и Харри решиться уехать с острова вместе.

Текст романа полнится противоречиями. Для героя его отношения с Аннемари не только глубоко личные переживания, но и предмет художественной рефлексии. Сюжетная линия «Йоханнес – Аннемари – Соперник» состоит из множества клише, причем аллюзии и цитаты восходят в основном к авторам эпохи XVIII века. В диссертации исследуется функционирование стихотворения «Правило для любителей моральной кадрили» А. Стуба (1771) и сюжетной коллизии пьесы «Смерть Бальдра» Й. Эвальда (1775).

Пишущий дневник Йоханнес анализирует свои и чужие поступки, привносит в текст романтическое, лирическое начала. Страдая от одиночества, он не может найти родственной души и потому ведет дневник. В итоге у него так и не получается высказать правду о самом себе, и потому он называет себя лжецом.

Романтические мотивы одиночества, странничества, вины, памяти, смерти, освобождения нарастают от главы к главе и становятся лейтмотивами. В диссертации даются сопоставительные анализы романа «Лжец» и ряда стихотворений сборника С.С. Бликера «Перелетные птицы» (1838), а также более подробно рассматривается функционирование мотивов «странник» и «скиталец».

В финале романа исчезает образ пишущего дневник героя и остается лишь рассказчик Йоханнес и персонаж, о котором он пишет. Если персонаж приходит к идее синтеза, то его автор продолжает рефлексировать, отрицать им самим же выстраданные истины и погружается в бездну отчаяния. В Йоханнесе словно соединены качества «естественного», природного человека и разочаровавшегося в жизни интеллигента, утратившего, как и многие его современники, ценностные ориентиры в условиях послевоенного времени.

Переход от рационализма к вере подготовлен тем, что Йоханнес параллельно выстраивает некую символическую реальность, которую сам пытается понять – он призывает в помощники своего мнимого антипода – некоего «идеального читателя» – Нафанаила. В беседе с выдуманым другом юности, носящим библейское имя,

Йоханнес словно разрабатывает метафизический и метатекстовый уровень своего произведения. Основным конфликтом здесь выступает столкновение истины и лжи. При этом в романе понятия «истины» и «лжи» постоянно меняются местами. Более того, если мы имеем дело не с истиной, перед нами не обязательно ложь. В произведении сосуществуют различные мировоззренческие системы – вера (христианство, язычество), наука и искусство – из которых герой пытается выбрать истину для себя и своей эпохи. В диссертации подробно анализируется функционирование каждой из этих трех систем ценностей в произведении.

«Герой своего времени» Йоханнес Виг, персонаж мечтательный и ищущий, будто соткан из противоречий. Он ищет самого себя как цельность – и не находит. Вместе с тем разгадывание загадки образа Йоханнеса – это попытка ответить на вопрос об отношении искусства и действительности. Художественное произведение и является таковым потому, что не соотносится с реальной действительностью в деталях, а лишь создает эффект правдоподобия. Это выстроенная по определенным законам художественная реальность, которая заставляет читателя сопереживать и испытывать катарсис. Роман Йоханнеса состоялся, так как в его мире был создан художественный, многогранный, правдоподобный образ «лжеца».

При помощи форм прямой и несобственно-прямой речи, противоречивых высказываний, игры временными формами глаголов Хансен указывает на «сотканность» текста из разных «голосов». Из сочетания разных точек зрения, объединенных художественным видением автора в один образ Йоханнеса, и возникает эффект «лживости». Перед нами не «поток сознания» героя, не отображение внутреннего монолога современника, а сконструированный текст, конструкт, художественное произведение, составные части которого так слиты воедино, что тканое полотно текста выступает как монолит. Роман интеллектуализирован. Хансен использует эффект техники потока сознания, во множестве прибегает к цитированию.

Роман о современнике становится романом о литературе и культуре. В «Лжеце» Хансен одновременно опирается и на концепцию личности героя, и на способ орга-

низации повествования. Первоначальная задача разгадать тайну души современника сочетается с исследованием «пластов текста» в его душе.

По сравнению с «Праздником середины лета», в «Лжеце» изменяется статус натуралистического и массового письма: они функционируют на равных с серьезной, интеллектуальной прозой. Модернизм романа «Лжец» основан прежде всего на приятии в свой текст культурных кодов разных эпох.

В заключении подводятся итоги исследования.

Не вызывает сомнений тот факт, что датский модернизм вышел на авансцену культурной жизни страны достаточно поздно, в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Вместе с тем на протяжении всей первой половины XX века датская культура впитывала и переосмысляла отдельные черты и мироощущение европейского модернизма. Происходило это на основании стремления произнести самое актуальное слово, быть «абсолютно современным», создать самый новый индивидуальный стиль при отсутствии общего нормативного стиля эпохи.

Стремление к новому, актуальному искусству подкреплялось различными идеологическими системами: на базе марксизма разрабатывались социалистический реализм (М. Андерсен-Нексё) и авангардное искусство эксперимента (Р. Броби-Йохансен); художественная рефлексия над философскими и мифологическими представлениями европейцев легла в основу «аристократического модернизма» К. Бликсен; Й.В. Йенсен предпринял попытку написать новый мифологический роман, опираясь на теорию эволюции Дарвина. Каждый из этих писателей создал свой неканонический стиль.

Послевоенный датский модернизм возник в результате переосмысления опыта национального символизма 1890-х годов, на основе поиска писателями духовной составляющей культуры в условиях ее гибели. Творчество поэтов и прозаиков, объединившихся вокруг журнала «Херетика», сочетало в себе созидательное и разрушительное начала: попытка вернуть гибнущей культуре утраченную духовность существовала с трагическим осознанием невозможности этого для современника.

Стремление херетикианцев обосновать мессианскую функцию поэзии проблематизировало статус эстетического. Наследники символистской традиции, писатели болезненно пережили и переосмыслили трагический разлад между творческим порывом, воззрениями и верой.

Каждый из авторов при этом работал над своим индивидуальным языком. Журнал «Херетика» создал атмосферу «диалога» различных поэтических теорий и практик: читатели познакомились с «классической» поэзией Т. Бьёрнвига, «неоэкспрессионистской» лирикой Э. Кнудсена, модернистским экспериментом О. Сарвига.

М.А. Хансен не принял ни научности марксизма, ни догматики официальной церкви. Вместе с тем он творил миф народного христианства, который предполагал целостный взгляд на мир. При этом писатель признавал, что связь его современника с традиционной культурой утрачена. В его произведениях «темного стиля» 1940-х годов на первый план выходит проблема беспочвенности личности современного человека.

Хансен дает своему герою возможность высказаться до конца. Сам же автор словно устраняется из созданного им текста. Художественное пространство «Праздника середины лета» – это отражение борьбы идей в душе современника, в «Лжеце» «герой своего времени» сам исповедуется перед читателем. Персонаж ищет себя как цельность – и не находит. Хансен показывает ситуацию, когда Бог словно утратил интерес к своему творению, и творение осталось в мире без Бога.

По мысли писателя, потеря героем-современником своего «Я», разрушение целостного образа мира и иерархичной системы ценностей вызваны как объективными событиями, так и внутренними качествами личности. «Трагический гуманизм» Хансена заключается в сострадании человеку, вступившему на киркегоровский путь познания, – его душа погружена в бездну отчаяния, но он так и не решается сделать последний шаг к вере.

Разрушение образа «героя времени» писатель рассматривает на фоне мифа о гармонии. Слово в художественном мире романов Хансена в процессе обмирщения, десакрализации утрачивает связь с сущностью. От его значения остается лишь

«след». Из «следов» значения «обмирщенного» – и потому «ложного» – слова Хансен пытается, насколько это возможно, выстроить художественный образ истины. Пусть для его героев «небеса пусты» – но они существуют. Художественный мир романов Хансена предполагает трансцендентный план, хотя это и «пустая трансценденция». С помощью «темного стиля» писатель стремится обозначить существование ненаходимого центра. Наличие жесткой «программы» взглядов и вместе с тем интимное, глубоко личное сомнение в их истинности, как нам кажется, составляют основание модернизма текстов Хансена.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Королинская Ю.В. Послевоенные дебаты о культуре в датском журнале «Херетика» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 2. С. 96-105.

2. Королинская Ю.В. Мартин А. Хансен и проблема национальной культурной традиции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3. Филология. № 3.

3. Клокова Ю.В. Этическое и эстетическое в новелле Мартина А. Хансена «Праздник середины лета» // Проблемы поэтики и истории зарубежной литературы: Сборник статей молодых ученых / Отв. ред. А.Ю. Зиновьева; сост. Н.А. Мороз. М.: МАКС Пресс, 2011. Выпуск 3. С. 28-37.

4. Клокова Ю.В. Функционирование цитат-лейтмотивов в романе М.А. Хансена «Лжец» (на примере эпизода воскресной проповеди) // Лики времени: Сборник статей / Отв. ред. Н.А. Соловьева. М.: Юницинформ; Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 372-390.

5. Клокова Ю.В. «Праздник середины лета» М.А. Хансена и «Мертвые души» Н.В. Гоголя // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов

и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2009. С. 610-612.

6. *Клокова Ю.В.* Использование логического парадокса в структуре романа Мартина А. Хансена «Лжец» // Проблемы поэтики и истории зарубежной литературы: Сборник статей молодых ученых / Отв. ред. А.Ю. Зиновьева; сост. Н.А. Мороз. М.: МАКС Пресс, 2008. Выпуск 2. С. 89-100.

7. *Клокова Ю.В.* Проблема утраты и поиска вечных ценностей в новелле «Праздник середины лета» Мартина А. Хансена // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции: в 2 т. Архангельск, 2008. Т. 2. С. 81-83.